научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 316.356.2

Трансграничные семейные отношения русских женщин-иммигранток в Северной Карелии и Республике Карелия (Перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)

ПЁЛЛЯНЕН Пирьо

доктор социологических наук,
Университет Восточной Финляндии,
Карельский институт,
Финляндия, pirjo.pollanen@uef.fi

Ключевые слова:
трансграничные семьи
трансграничная забота
русские женщины-иммигрантки в Финляндии

Аннотация:
В статье, написанной на основе моей докторской диссертации [9], анализируются семейные отношения и забота живущих в Финляндии русских женщин-иммигрантов. Анализируемый исследовательский материал включает в себя 16 интервью с женщинами, живущими в провинции Северная Карелия и состоявшими/состоящими в браке с финскими мужчинами. В статье рассматривается то, каким образом трансграничность влияет на материнство жен-иммигранток, брак и межпоколенную заботу. Широко используемое в статье ключевое понятие «забота» (“hoiva”) включает в себя повседневное внутрисемейное взаимодействие всех членов семьи и заботу друг о друге. Русскоязычные иммигранты являются самой многочисленной группой иммигрантов в Финляндии. Для русской иммиграции в Финляндии характерен также гендерный феномен — следствие вступления в брак русских женщин и финских мужчин.

© 2014 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 31 декабря 2014 года

Географически исследование охватывает провинцию Северная Карелия, находящуюся на периферии страны, что позволяет социологам по-особому взглянуть на проблемы иммиграции. Эта территория считается периферийной как за рубежом, так и в Финляндии. Социологические исследования позволяют выявить некоторые феномены, типичные именно для периферийных территорий. Одним из них является негативное отношение местных жителей к иностранцам, что, как было отмечено в более ранних исследованиях, является характерным для сельской местности и районов с высоким уровнем безработицы [7]. Северную Карелию от других провинций отличают как ее периферийное положение, так и высокий уровень безработицы, уже давно заметно превышающий средний уровень по стране. В удаленных от центра провинции коммунах велика доля долговременно безработных. Проблему так и не удалось решить, несмотря на попытки сделать это [14]. Отличительной особенностью периферийной территории являются также большие расстояния, представляющие собой вызов человеку в его повседневной жизни.

Северная Карелия является также пограничной провинцией, на территории которой находится один из крупнейших в Финляндии пунктов пересечения границы Ниирала—Вяртсиля, дающий возможность рутинным образом пересекать государственную границу. Жители приграничной

местности, например, совершают покупки по обе стороны границы. Также в случае с иммигрантами граница играет свою роль. Существующая уже несколько десятилетий трансграничная повседневность, в которой люди живут по обе стороны границы (Северная Карелия и Республика Карелия) сформировала облик иммигрантов Северной Карелии. Типичным иммигрантом здесь является русская женщина, состоявшая или состоящая в браке с финским мужчиной. Со своей стороны финский супруг русской женщины-иммигрантки обычно связан с Россией работой или часто пересекает границу и совершает поездки в Россию [1].

В этой статье рассматривается то, как живущие в Финляндии русские женщины-иммигрантки воспринимают свои семейные отношения и семейную заботу, как они организуют внутрисемейную заботу в условиях трансграничной повседневности. В статье освещается и то, каким образом в этих семьях заботятся друг о друге, как забота организуется для членов семьи, живущих в России и Финляндии, как проявляются межпоколенные отношения русских женщин. Анализируемый исследовательский материал включает в себя 16 интервью с женщинами, живущими в провинции Северная Карелия и состоявшими/состоящими в браке с финскими мужчинами[2]. В статье используются методы этнографических социальных исследований [1]. Мое исследование представляет собой социально-политический анализ семейных отношений и заботы в семьях русскоязычных женщин-иммигранток на основе их интервью[3].

Трансграничная и межпоколенная забота на приграничных территориях Финляндии и России

В европейской интеграции и глобализации подчеркивается бессмысленность и невидимость межгосударственных границ. В политической риторике и публичных выступлениях мир предстает все более единым, он становится ареной свободного движения любого вида. Мир, или, по крайней мере, Европа, тем не менее, долгое время был разделен надвое. Например, движение внутри Европейского союза действительно можно считать свободным, а границы не имеют практического значения (т.н. пространство свободы и безграничности). Но в то же время Европейский союз усилил охрану своих внешних границ и контроль за их пересечением. Так, например, восточная граница Финляндии, граница между Финляндией и Россией, являющаяся и международной границей между ЕС и РФ, не является открытой и невидимой для повседневно пересекающих ее людей. Каждый рутинно пересекающий границу человек, живущий на приграничной территории, ощущает физическое и конкретное значение границы. Для гражданина бывшего СССР или РФ пересечение границы означает постоянную зависимость от паспортов и виз. Для граждан ЕС граница становится «видимой» уже при подаче заявления на визу. Для получения многократной визы, дающей возможность рутинного повседневного пребывания в России, заявитель должен входить в категорию предпринимателей (”bisneksen tekijä”). Оформляя визу, гражданин Финляндии сталкивается с тем фактом, что государственная граница не является открытой и свободно пересекаемой. Для путешествующего с ним и родившегося в СССР человека, со своей стороны, граница всегда означала неопределенность и потенциальные проблемы. Такому человеку необходимо постоянно помнить о сумочке, в которой он хранит паспорт. Человек, имеющий двойное гражданство и пересекающий границу с финским гражданином, может, предъявив соответствующий паспорт, обосновать свое право пересечь границу из России в Финляндию как финский гражданин, и из Финляндии в Россию как российский гражданин.

Трансграничный контекст определяет специфику семейных отношений и заботы [16]. По мнению М. Цехнер, к специфическим проблемам неформальной трансграничной заботы относятся отличающиеся друг от друга социально-политические системы двух государств, а также проблемы, связанные с расстояниями и перемещениями людей [16]. Собранный мною исследовательский материал дает возможность рассмотреть трансграничную заботу как конкретную физическую повседневную рутину и как организационную ответственность. Граница, практика ее пересечения и конвенции, определяют то, каким образом русскими женщинами-иммигрантками повседневно осуществляется забота [3]. Постоянное рутинное пересечение границы как с целями заботы, так и с другими намерениями (например, покупка бензина в России), является повседневной реальностью для многих моих информантов.

В трансграничном контексте осуществление заботы как повседневной и физической работы или как организационной ответственности реализуется иначе, чем в каждом отдельно взятом государстве. Одним из видов заботы в каждом из государств является физическая забота, когда нуждающегося в уходе человека моют, одевают, готовят пищу и кормят. Как отмечает М. Цехнер, [15; 83] именно такой индивидуальный уход привязан к месту, где он осуществляется и требует одновременного пребывания в одном месте лица, осуществляющего уход, и человека, нуждающегося в нем. Кроме того, что забота в

этом случае означает физическую работу, в ней есть и элемент организации, поскольку в конечном счете, вопрос заключается в ответственности за другого или других. Размышляя о трансграничной заботе, М. Цехнер приходит к выводу, что поддержание отношений, материальная и эмоциональная помощь возможны и в случае, когда ухаживающий человек проживает на некотором расстоянии от нуждающегося в уходе. Помощь же в одевании и мытье, а также уборка помещений могут производиться только в месте проживания человека, нуждающегося в заботе. М. Цехнер следующим образом описывает такую дистанционную заботу: «В транснациональных семьях расстояние множеством способов определяет то, как осуществляется забота. Большие расстояния и межгосударственные границы увеличивают расходы, поскольку на поездки уходит много времени и денег. Пограничные формальности затрудняют поездки, хотя ситуация стала проще после введения в 1997 г. безвизового режима пересечения границы между Эстонией и Финляндией. Большие расстояния ослабляют интенсивность заботы. Они не дают возможности осуществлять уход каждодневно [15; 88]».

Для реализации трансграничной заботы граница и ее пересечение устанавливают свои условия. В трансграничной заботе, требующей физического присутствия заботящегося лица, особенно значимы требования к уходу, предъявляемые особенностями организма человека, и непредсказуемость, связанная с уходом. Потребности, пожелания и состояние человека, за которым осуществляется уход, ежедневно меняются, что затрудняет планирование [12, 13]. Уход включает в себя рутинные действия, и в этом смысле его невозможно осуществлять «в запас», он необходим ежедневно или еженедельно, поскольку потребности имеют постоянный характер. В ситуации трансграничной заботы человек, осуществляющий уход, возможно планировал осуществить его в России в выходные дни, однако состояние реципиента помощи за неделю может измениться, например, вследствие его болезни. Граница затрудняет реакцию на неожиданные изменения положения, так как, например, время, необходимое для пересечения финляндско-российской границы, постоянно меняется [3, 4]. С другой стороны, в случаях, когда трансграничные семьи в Финляндии нуждаются в помощи русских бабушек для ухода за детьми, их приезд в этот момент может быть затруднен отсутствием финской визы.

Интервьюированные мной русские женщины, живущие в Финляндии, живут в промежуточном состоянии между двумя государствами и двумя системами: в постсоциалистической России и Финляндии-ЕС. Их повседневная жизнь включает в себя заботу по обе стороны границы и ее осуществление требует регулярного пересечения границы. Бóльшая часть интервьюированных женщин приехала на постоянное место жительства в Финляндию из северо-западных регионов Российской Федерации и т.н. «соседних территорий» (lähialueet). У многих из них в России остались один из родителей или кто-то из близких родственников, которые жили или живут в РФ в то время, когда интервьюированная женщина жила в Финляндии. Для осуществления заботы это означает, что информанты, с одной стороны, должны были заботиться о живущих в России родственниках, находясь в Финляндии, с другой стороны, у них для этого не было ресурсов, поскольку их родители не проживали в Финляндии.

Забота включает в себя сложные отношения взаимности и ответственности, которые являются главными вопросами в контексте семейной заботы. Например, ответственность взрослых детей за своих стареющих родителей сохраняется и в ситуации, когда повседневность становится трансграничной и реализуется по обе стороны границы. М. Цехнер даже утверждает, что в трансграничных семьях различные виды ответственности могут входить в противоречие друг с другом в тех случаях, когда речь идет о потребности в заботе членов семей (а также об ответственности и обязанностях), живущих близко и на большом расстоянии [15; 84].

Трансграничную заботу иногда характеризуют как дистанционную. М. Цехнер приходит к выводу, что сам характер дистанционной заботы скрывает то, что пересечение государственной границы в контексте заботы ставит перед ней вызовы, связанные не только с преодолением пространства. В трансграничной заботе сталкиваются друг с другом две различные традиции в организации помощи и две социально-политические системы. В трансграничной заботе к связи между местами назначения добавляются институциональные структуры (например, законы и политика, регулирующие иммиграцию и двухсторонние отношения), которые, согласно М. Цехнер, тесно связаны с заботой. Например, то, как относятся на работе к работнице-иммигрантке, которая уезжает посередине рабочей недели для ухода за своей больной матерью в другую страну, связано с социально-политической системой новой родины.

Конкретность границы и ее пересечения проявляется и в том, как русские женщины-иммигранты оказывают материальную поддержку своим родственникам в России. Перевод денег в Россию с банковского счета вызывает трудности и, например, российские пенсии нельзя перечислять на счета в финских банках в случае, если родственник иммигрантки живет в Финляндии. Передача денежных

средств, таким образом, всегда осуществляется в связи с поездкой, и деньги необходимо перевозить или наличными, или снимать в банкоматах. В том способе, которым русские женщины-иммигрантки доставляют в Россию наличные денежные средства, проявляется местные особенности (трансграничность) транснациональности и ее материальность. В то время как живущие далеко от своей родины иммигранты в основном отправляют в Россию денежные переводы, для живущих в Финляндии русскоязычных женщин-иммигранток типичным способом оказания помощи своим родственникам на родине является доставка им в ходе поездки товаров, например, лекарств и обуви.

Тема наличия границы и ее близости эксплицитно присутствует в интервью, как возможность повседневности, так и неопределенная необходимость. Интервьюируемая рассказывает о том, как после переезда в Финляндию близость границы дает возможность поддерживать хорошие тесные отношения с живущими в России родственниками, потому что их разделяет расстояние всего в несколько километров. Она также описывает трансграничную повседневность, в которой живут и многие другие русские жены Северной Карелии, рассказывая, кроме прочего, о том, как родственники перевозят ее через границу:

«П: Как насчет твоих родственников, что ты о них думаешь, насколько они важны для тебя?

И: Ну, у меня в России, в Вяртсиля, живут мать и тетя и дочь тети, моя двоюродная сестра, конечно, они приезжают. Парень у сестры очень хороший, если ему звоню и прошу, он всегда все делает и приезжает за мной, если у меня нет оказии в Россию, и все такое. Еще брат живет в Латвии, он у меня хороший, очень хороший. Не курит, не пьет, разве что иногда немного. Жене помогает во всем, я могу сказать, что есть такие мужья.

П: Хорошие мужья.

< - - >

И: Вот почему мне не было грустно и все такое, не было грустно, потому что шесть лет, первые шесть лет я жила в Вяртсиля (Новый Вяртсиля, Uusi Värtsilä. — Прим. перевод.) на финской стороне, небольшое расстояние до дома».

Из того же интервью стало ясно, что поскольку речь идет о границе между Финляндией и Россией, т.е. о контролируемой границе, этот фактор необходимо учитывать, планируя повседневные трансграничные дела. В цитате ниже женщина описывает неопределенность, которую граница привнесла в ее жизнь, когда она только что переехала в Финляндию:

«П: И как давно ты живешь в Финляндии?

И: Ну, тринадцать лет прошло как мне поставили штамп в паспорт, что я уехала насовсем, потому что тогда был Советский Союз. Я не жила в России. Я приехала из СССР. Я приехала, была беременная, тогда у меня все было готово, тогда я была еще на российской стороне, и потом приехал муж, чтобы забрать, предупредил за неделю, вдруг закроют границу или что-нибудь случится».

Сказал, что будут трудности, если ребенок родится в России. Надо было позаботиться о приглашении, всех бумагах, обо всем.

П: Снова?

И: Да, потому что за неделю до этого, четвертого июня, я приехала из России в Финляндию. И тогда мне поставили штамп, что теперь я совсем уезжаю из СССР, потому что тогда был совсем другой закон, чем сейчас. Теперь можно быть гражданином России и гражданином Финляндии и не обязательно выезжать из квартиры, может быть новая квартира и.... Но тогда, тогда было так, что когда вышла замуж и у меня был внутренний паспорт в России и еще зарубежный паспорт, если хочу ехать за границу, и тогда, когда вышла замуж, тогда у меня был такой паспорт, когда я уезжала из Советского Союза, совсем другой паспорт, другого образца и в него тогда поставили штамп, что я насовсем уезжаю.

П: Из Советского Союза?

И: Ну, уже тринадцать лет прошло. Потому что до этого у меня был другой образец, другой паспорт. И я была у зубного врача и в родильном доме и все такое, когда была беременной, и так как до Вяртсиля небольшое расстояние, да, и у врача в России я не была, потому что муж жил в Вяртсиля».

Пересечение границы становилось повседневной повторяющейся действительностью, когда в России заправляли автомобили, ездили в гости к родственникам, а из России привозили большой ассортимент товаров. Часть женщин пересекала границу несколько раз в год, для других эти поездки становились еженедельными мимолетными визитами «на границе», но типичная частота пересечения границы этими женщинами находится между этими значениями, становясь, например, ежемесячной рутиной. Часть женщин разделяет функции поездок в Россию и пересечения границы. Одно дело отправиться «на границу» заправлять автомобиль, другое — посещать родственников в Санкт-Петербурге или в Петрозаводске (т.е. в России). Интервьюируемая рассказывает о пересечении

границы:

«П: И как часто Вы бываете в России?

И: Ну, это зависит от того, куда мы едем, если заправлять машину, то бываем раз в две недели, это как быстрый....

П: Визит?

И: Визит, да, но бывают более долгие визиты примерно раз в полгода.

П: Да, все же довольно часто.

И: Ну, достаточно.

П: Хотелось бы бывать на родине почаще?

И: Поначалу да, очень хотелось, но со временем желание уменьшается.

П: То есть привыкаешь каким-то образом быть здесь?

И: Да.

Русская женщина как мать в Финляндии

Интервьюируемые охотно и многословно общаются на темы материнства. Бóльшая часть моих информантов хотела разделить или была в состоянии различать и описывать финскую и русскую семейную культуру. С другой стороны, многие считали, что не имеет смысла говорить только об одной и единой финской или русской семейной культуре. Такие информанты полагают, что в организации и осуществлении заботы проблема заключается не в культурных различиях, а скорее во внутреннем порядке, характерном для каждой отдельной семьи. То есть практические способы действий зависят в большей степени от людей, а не от целостных культурных систем.

Проанализировав материнскую заботу информантов я разделила их на три группы в зависимости от отношения к материнству:

— информанты-матерналисты, живущие в повседневной материнской заботе;

— информанты, повседневно живущие в рамках модели заботы нуклеарной семьи;

— информанты, решающие задачи заботы в промежуточном состоянии.

В этой классификации материнская забота занимает центральное положение, но в ней присутствуют и брачные отношения. В рамках этой классификации частью брачных отношений являются материнство и материнская забота. Взгляд на брачные отношения формируется, таким образом, посредством материнства. Вторая группа трудно определяема. Среди входящих в нее информантов есть внутренние различия в том, как организуется и осуществляется забота: некоторые нуклеарные семьи являются довольно патриархальными, в других идеал разделенного старшинства реализуется весьма просто. Основным является то, что в семьях этого типа забота организуется внутри нуклеарной семьи.

В основе этой классификации предложенный Р. Няткин метод рассматривать различные способы реализации материнства через рассказы матерей [8; 192–211]. Мое собственное разделение типов материнской заботы на матерналистскую, семейную и промежуточную является результатом анализа, классификации и теоретического осмысления полевого материала. Некоторые информанты не входят исключительно в одну из этих групп, т.е. во многих случаях особенности реализации заботы интервьюируемыми не позволяют относить их к одной группе. Ниже представлены примеры каждой из групп, которые являются как бы описаниями одного человека. Однако ни один из этих примеров не имеет отношения к отдельно взятому информанту, представляя собой мой собственный конструкт из данных разных информантов, включенных в данную группу. То есть, для каждого примера использовались особенности многих информантов, и часть их присутствует больше, чем в одном примере. Эти описания в данном случае являются фиктивными, и не указывают на отдельных информантов.

Первая группа: матерналистская материнская забота

Теоретически матерналистская материнская забота определяется как ситуация, в которой жизнь женщины-матери прежде всего подчинена своему ребенку. В этой модели заботы благополучие матери и ребенка является как бы совместным проектом, в рамках которого их индивидуальные цели и желания не принимаются во внимание и не разделяются. Р. Няткин приходит к выводу, что в матерналистской модели домом ребенка является благополучие его матери [8; 197]. Упрощая можно утверждать, что организация заботы в русской семейной культуре может быть определена как типично матерналистская (материнская) или даже грандматерналистская (забота бабушки). Заботу в русской семейной культуре можно также охарактеризовать как расширенную материнскую заботу, в которой матери в уходе за детьми помогают ее родители, прежде всего бабушки [см. напр. 2, 10].

В собранном мною материале матерналистская модель заботы явно уступает другим типам по

количественным показателям. Типичным представителем этого типа заботы является женщина, много раз вступавшая в брачные отношения, муж которой не является отцом ее ребенка или детей. Для представителей этой группы также типично домашнее насилие в прежнем или в настоящем браке. Для имевших этот опыт женщин центральное место в их жизни занимал ребенок или дети.

Пример:

Анна переехала в Финляндию из СССР после крушения советской системы. У нее имеются дети и от бывшего русского и от финского мужа. Сейчас Анна состоит в браке с финским мужчиной, с которым у нее нет общих детей. Она подвергалась домашнему насилию и некоторое время находилась в финском убежище для женщин, скрываясь от своего бывшего финского мужа. Нынешний ее брак благополучный, и Анна очень довольна своим нынешним финским супругом, предоставляющим ей возможность осуществлять матерналистскую заботу. Тем не менее, Анна считает брак с финским мужем главным образом инструментом и практическим способом осуществления ею материнской заботы. Практические соображения сохраняют этот брак и, возможно, нынешний финский муж не последний ее (финский) партнер. Дети и их благополучие являются стержнем жизни для Анны.

Вторая группа: Забота в нуклеарной семье: к «идеалу» разделенного старшинства

Вторая группа, которую я называю здесь группой нуклеарной семьи, реализующей разделенное старшинство, очень напоминает семейную модель Р. Няткин. Особенностью этой модели является то, что дом для ребенка формируется благодаря хорошим отношениям между супругами [8; 197]. Этос семейной модели включает в себя единство семьи и ценность отношений между супругами. Р. Няткин приходит к выводу, что собранные ею рассказы женщин из семей данного типа дают основания для вывода о тесной связи между материнством и отношениями между полами [8; 200].

В своей классификации я подразумеваю под семейной заботой и заботой разделенного старшинства идеальную ситуацию, в которой оба родителя участвуют в этой деятельности. Разделенное старшинство является более типичным продуктом финской семейной культуры, чем форма старшинства, характерная для русской семейной культуры. В идеале в разделенном старшинстве межпоколенность утрачивает свое значение, и центральное место в нем занимает идеология нуклеарной семьи. Семья и забота организуются внутри нуклеарной семьи, а не межпоколенно. Члены нуклеарной семьи заботятся друг о друге. В этом случае формой семьи является не большая, а нуклеарная семья. В данной модели возрастает также значение супружеских отношений. К этой группе обычно относятся семьи, в которых жены рассказывают об участии их финских мужей в заботе о детях. Женщины рассказывают о разделении ответственности по воспитанию и заботе о детях между родителями.

Пример:

Вера и Микко познакомились через общего друга. Они состоят в браке почти 10 лет. Микко на несколько лет старше Веры. У них два общих ребенка, и ни у одного из них нет детей от прежних браков. Микко работает, Вера также какое-то время работала в Северной Карелии, но после рождения детей она много времени тратит на посещение курсов и поиск работы на рынке труда этой провинции. В повседневной жизни центральное место для обоих родителей занимаю дети, и Вера рассказывает, что они оба участвуют в их воспитании и заботе. Фактически, единственными проблемами, которые в их семье решаются по принципу гендерного разделения и по старшинству, являются кормление грудью и наказание расшалившихся детей. Вера считает, что Микко, прежде всего, должен отвечать за наказание детей.

Вера, Микко и дети живут вместе в нуклеарной семье. Со своими родителями оба они поддерживают хорошие отношения, правда, отец Микко уже умер. Иногда Веру раздражает то, что от бабушек и дедушек нет конкретной помощи в повседневном уходе за детьми, потому что ее родители живут в России, а мать Микко находится в преклонном возрасте. Тем не менее, Вера довольна тем, как организуются повседневные дела, особенно тем, что Микко берет на себя ответственность как отец и глава семьи. Она, например, подчеркивает то, что Микко много играет с детьми, что, по ее мнению, очень хорошо.

Третья группа: Промежуточное состояние — супружеские отношения важны, забота — второстепенное дело

Если следовать классификации Р. Няткин [8], женщины, осуществляющие промежуточную заботу, приблизительно соответствуют матерям-индивидуалистам. Согласно ее определению, относящиеся к этой группе женщины стремятся всеми способами к индивидуализации. Супруги, например, могут не

поддерживать отношения с родственниками, женщина с ребенком может отдаляться от мужа или даже от мужа и детей [8; 198]. Кроме того, индивидуализм может означать подчеркивание индивидуализма всех членов семьи [11]. По полученным мною данным, индивидуализм означает, прежде всего, возможность для женщины сосредоточиться на супружеских отношениях, отказавшись и от идеала расширенной семьи, характерной для «русской культуры», и от идеологии нуклеарной семьи, характерной для «финской культуры». Или проблема заключается в переходе от расширенной к нуклеарной семье? Может быть, проблема заключается в объединении финской и русской семейных культур, в том, что в образованном этими двумя моделями семьи промежуточном состоянии и находится идеал счастливой семейной жизни русской женщины-иммигрантки, ее постоянное промежуточное состояние [6]?

Промежуточная забота в собранных мною материалах является преобладающей формой заботы. Промежуточное состояние как форма заботы является типичной именно в трансграничном контексте. Бóльшая часть моих информантов по практикуемым ими способам и организации заботы относятся к промежуточной группе. Интервьюированные не относятся полностью ни к матерналистской, ни к модели разделенного старшинства, их повседневная организация заботы занимает промежуточное положение между этими двумя моделями.

В модели промежуточной заботы женщина подчеркивает значение супружеских отношений. Женщины рассказывают о том центральном положении, которое в их жизни занимает финский супруг. В этой модели подчеркивается важность супружеских отношений и второстепенность заботы. Интервьюированные мною женщины много рассказывали о значение для них финского супруга и о ценности для них нынешних супружеских отношений. Хотя женщины и отводили супругам особое место, все они полагали, что при необходимости определить степень важности, они поставили бы детей перед супругами.

Отношение женщин из промежуточной (третья группа) или семейной (вторая группа) к супружеским отношениям и семье можно проиллюстрировать тем, как они относятся к своей сексуальной жизни. Ставящие на первое место разделенное старшинство считают супружеские отношения важными, но особенно подчеркивают значение хороших супружеских отношений как основы разделенного старшинства. Размышляя о своей сексуальной жизни, они считают, что интересы ребенка важнее, чем их сексуальные желания, например, ребенок имеет право спать рядом с матерью. В повседневной жизни женщин из промежуточной группы интересы ребенка тоже важны, но отношения между супругами занимают центральное место. Говоря о своей сексуальной жизни, женщины из этой группы выделяли значение отношений между взрослыми и секса, например, тем, что дети должны не входить в супружескую спальню с закрытой дверью.

Пример:

Таня замужем за финским мужчиной немного старше, чем она, и у них нет общих детей. У обоих супругов есть дети от предыдущих браков. Повседневные воспитание и забота о детях для Тани отошли на второй план, так как ее дочь уже почти взрослая. Ее дочь и финский супруг кое-как ладят с собой, но отношения между ними не особенно теплые. Таня подчеркивает открывающиеся перед дочерью возможности, в том числе, языковую подготовку в школе. Можно сказать, что одной из главных причин переезда Тани в Финляндию было обеспечение лучшего будущего для дочери. Для Таня лучшее будущее ее ребенка означает хорошие возможности обучения и, например, разнообразные возможности для увлечений.

Супруг для Тани важен. Она подчеркивает значение совместно проводимого времени и привычку делать всегда все вместе. Таня много рассказывает о совместных поездках с мужем, хотя и дети тоже ездят с ними. Супруг очень важен для Тани в каждодневной жизни, но в ответ на вопрос, как она поступит при необходимости сделать выбор между супругом и дочерью, отвечает, что выбрала бы дочь, полагая, что любая мать наверняка ответит так же.

Несмотря на то, что описанная выше классификация является грубой упрощенной схемой того, как интервьюированные русские женщины соотносят материнскую заботу и супружеские отношения, на ее основе можно структурировать отношение информантов к материнской заботе. Все мои информанты могут быть отнесены к выделенным мною группам, правда, в некоторых случаях не к одной из них, но каждого информанта можно охарактеризовать с помощью этой классификации.

Близость границы делает возможными повседневные поездки

В данной статья я представила схему повседневной заботы русских женщин-иммигранток с точки зрения науки, изучающей семью, по обе стороны границы, в Северной Карелии и Республике Карелия. В

качестве вывода можно сказать, что Северная Карелия как место иммиграции для женщин весьма значима с позиции обыденной жизни как в позитивном (близость границы, близкое расстояние до родственников в России), так и в негативном смысле. Негативная сторона, прежде всего, связана с трудоустройством женщин. Лишь в редких случаях русскоязычные женщины-иммигрантки имеют прочное положение на рынке труда Северной Карелии. Многие женщины живут на задворках рынка труда без постоянной работы. Непрочное положение женщин-иммигрантов на рынке труда, со своей стороны, во многих отношениях влияет на возможность осуществления и организации ими заботы. С другой стороны, слабые позиции женщин на рынке труда предоставляют им возможность как безработным уделять больше времени для заботы о членах семьи. Хотя время как ресурс у них есть, недостаток средств, кроме прочего, влияет на то, какую материальную помощь женщины могут оказывать живущим в России родственникам.

Результаты данного исследования однозначно показывают то, что живущие в Северной Карелии русские женщины-иммигрантки поддерживают тесные семейные отношения с родственниками в России. Женщины оказывают живущим в России родственникам как материальную помощь, так и осуществляют физическую заботу. Северная Карелия как провинция, в которой близко находится пункт пересечения границы Ниирала—Вяртсиля, формирует для русских женщин активную повседневную трансграничную среду, в которой живущие по обе стороны границы члены семьи находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

Для организации заботы финляндско-российская граница создает известные проблемы, поскольку ее пересечение всегда непредсказуемо и требует получения виз. Сама природа заботы также предполагает непредсказуемость, которая в этом смысле плохо соответствует тому, как пересекается граница. Таким образом, результаты исследования показывают, что живущие в Финляндии русские женщины-иммигранты не несут всей полноты ответственности за своих нуждающихся в помощи родственников, скорее их роль заключается в оказании дополнительной поддержки.

В повседневности живущих в Финляндии русских женщин-иммигранток забота носит межпоколенный и иногда гендерный характер. Забота осуществляется на основе межпоколенной взаимности. Изучение заботы с такой точки зрения выявляет в финском подходе к этой проблеме, в котором существует лишь один тип семьи иммигрантов, нуклеарный, его

упрощенность и дискриминационность. Из моего исследования можно сделать вывод, что русские семьи женщин-иммигранток, взаимная забота и относящиеся к ней обязанности и выгоды выводят семью за ее нуклеарные пределы. В случае, если живущая в Финляндии жена-иммигрантка могла бы через воссоединение семьи привезти сюда на постоянное место жительства своих родителей, от этого во многих случаях была бы польза для иногда испытываемого женщинами дефицита помощи, потому что бабушки могут помогать в уходе за детьми и, например, в согласовании семейных задач и работы.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Atkinson P., Hammersley M. Ethnography and Participant Observation // Norman K. Denzin ja Yvonna S. Lincoln (toim.) Handbook of Qualitative Research. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1994. P. 248—261.
2. Castrén A-M. Perhe ja työ Helsingissä ja Pietarissa. Elämänpiirit ja yhteiskunta sosiaalisissa verkostoissa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 803. Helsinki: SKS, 2001.
3. Davydova O., Pöllänen P. Gender on the Finnish-Russian Border: National, Ethnosexual and Bodily Perspective // Virkkunen J., Uimonen P., Davydova O. (toim.). Ethnosexual Processes. Realities, Stereotypes and Narratives. Aleksanteri Series 6/2010. Helsinki: Kikimora Publications, 2010. P. 18—35.
4. Davydova O., Pöllänen P. Border Crossing from the Ethnosexual perspective: A Case study of the Finnish – Russian Border. Eurasia Border Review 2:1, 2011. P. 73—87.
5. Honkasalo M.-L. Reikä sydämessä. Tampere: Vastapaino, 2008.
6. Irigaray L. Sukupuolieron etiikka. (Suomentanut Pia Sivenius.) Tampere: Gaudeamus, 1996.
7. Jaakkola M. Suomalaisten suhtautuminen maahanmuuttajiin vuosina 1987—2003. Työpoliittinen tutkimus 286. Helsinki: Työministeriö, 2005.
8. Nätkin R. Kamppailu suomalaisesta äitiydestä. Tampere: Gaudeamus, 1997.
9. Pöllänen P. Hoivan rajat — venäläiset maahanmuuttajanaiset ja ylirajainen perhehoiva.

Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja D57/2013. Helsinki: Väestöliitto, 2013.

10.Rotkirch A. ”Hökkelit suuren joen rannalla” — äidit ja tyttäret Venäjällä // Roos J.P., Rotkirch F. (toim.). Vanhemmat ja lapset. Sukupolvien sosiologiaa. Tampere: Gaudeamus, 1997. S. 241—263.

11.Saarinen A. Rinnakkain ja vastakkain — naistoimijana ja —tutkijana Luoteis-Venäjällä // Kulmala M., Saarinen A. (toim.). Naistutkijana Venäjän kentillä. Aleksanteri-sarja 5/2010. Helsinki: Kikimora Publications, 2010. S. 38—65.

12.Tedre S. Hoivan sanattomat sopimukset. Tutkimus vanhusten kotipalvelun työntekijöiden työstä. Joensuu: Joensuun yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja n:o 40. 1999.

13.Tedre S. Hoiva ja vanhuus. Teoksessa Marjatta Marin & Sinikka Hakonen (toim.) Seniori- ja vanhustyö arjen kulttuurissa. Juva: PS-kustannus, 2003. S. 57—71.

14.Varis S. Pitkäaikaistyöttömänä maaseudulla. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja N:o 144. Joensuun yliopisto. 2005.

15.Zechner M. (2006) Hoivan paikat transnationaalisissa perheissä // Martikainen T. (toim.). Ylirajainen kulttuuri. Etnisyys Suomessa 2000-luvulla. Tietolipas 212. Helsinki: SKS, 2006. S. 83—103.

16.Zechner M. Informaali hoiva sosiaalipoliittisessa kontekstissa. Acta Universitatis Tamperensis 1543. Tampere: Tampere University Press, 2010.

REFERENCES

1. Atkinson P., Hammersley M. Ethnography and Participant Observation // Norman K. Denzin ja Yvonna S. Lincoln (toim.) Handbook of Qualitative Research. Thousand Oaks: SAGE Publications, 1994. P. 248—261.
2. Castrén A-M. Perhe ja työ Helsingissä ja Pietarissa. Elämänpiirit ja yhteiskunta sosiaalisissa verkostoissa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 803. Helsinki: SKS, 2001.
3. Davydova O., Pöllänen P. Gender on the Finnish-Russian Border: National, Ethnosexual and Bodily Perspective // Virkkunen J., Uimonen P., Davydova O. (toim.). Ethnosexual Processes. Realities, Stereotypes and Narratives. Aleksanteri Series 6/2010. Helsinki: Kikimora Publications, 2010. P. 18—35.
4. Davydova O., Pöllänen P. Border Crossing from the Ethnosexual perspective: A Case study of the Finnish – Russian Border. Eurasia Border Review 2:1, 2011. P. 73—87.
5. Honkasalo M.-L. Reikä sydämessä. Tampere: Vastapaino, 2008.
6. Irigaray L. Sukupuolieron etiikka. (Suomentanut Pia Sivenius.) Tampere: Gaudeamus, 1996.
7. Jaakkola M. Suomalaisten suhtautuminen maahanmuuttajiin vuosina 1987—2003. Työpoliittinen tutkimus 286. Helsinki: Työministeriö, 2005.
8. Nätkin R. Kamppailu suomalaisesta äitiydestä. Tampere: Gaudeamus, 1997.
9. Pöllänen P. Hoivan rajat — venäläiset maahanmuuttajanaiset ja ylirajainen perhehoiva. Väestöntutkimuslaitoksen julkaisusarja D57/2013. Helsinki: Väestöliitto, 2013.

10.Rotkirch A. ”Hökkelit suuren joen rannalla” — äidit ja tyttäret Venäjällä // Roos J.P., Rotkirch F. (toim.). Vanhemmat ja lapset. Sukupolvien sosiologiaa. Tampere: Gaudeamus, 1997. S. 241—263.

11.Saarinen A. Rinnakkain ja vastakkain — naistoimijana ja —tutkijana Luoteis-Venäjällä // Kulmala M., Saarinen A. (toim.). Naistutkijana Venäjän kentillä. Aleksanteri-sarja 5/2010. Helsinki: Kikimora Publications, 2010. S. 38—65.

12.Tedre S. Hoivan sanattomat sopimukset. Tutkimus vanhusten kotipalvelun työntekijöiden työstä. Joensuu: Joensuun yliopiston yhteiskuntatieteellisiä julkaisuja n:o 40. 1999.

13.Tedre S. Hoiva ja vanhuus. Teoksessa Marjatta Marin & Sinikka Hakonen (toim.) Seniori- ja vanhustyö arjen kulttuurissa. Juva: PS-kustannus, 2003. S. 57—71.

14.Varis S. Pitkäaikaistyöttömänä maaseudulla. Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja N:o 144. Joensuun yliopisto. 2005.

15.Zechner M. (2006) Hoivan paikat transnationaalisissa perheissä // Martikainen T. (toim.). Ylirajainen kulttuuri. Etnisyys Suomessa 2000-luvulla. Tietolipas 212. Helsinki: SKS, 2006. S. 83—103.

16.Zechner M. Informaali hoiva sosiaalipoliittisessa kontekstissa. Acta Universitatis Tamperensis 1543. Tampere: Tampere University Press, 2010.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бóльшая часть интервьюированных мною русских женщин родом из Республики Карелия. Самая русская коммуна Финляндии — пограничная коммуна Тохмаярви провинции Северная Финляндия.

Для почти трех процентов населения Тохмаярви русский язык является родным. В коммуне Тохмаярви насчитывается до 200 таких человек, из которых более 65% женщин. Рост численности населения на этой территории зависит от количества иммигрантов. Механический прирост населения в провинции составляет до 400 человек в год, что объясняется ростом иммиграции.

[2] Я интервьюировала живущих в Северной Карелии русских женщин-иммигранток, который состояли или были прежде в браке с финскими мужчинами. Интервью были взяты мною в разных частях Северной Карелии 31.1.2003—17.11.2004. Продолжительность интервью варьировалась от получаса до более чем двух часов. Возраст интервьюируемых во время проведения интервью составлял от 23 до 50 лет. За исключением двух интервьюируемых у всех остальных имелось по меньшей мере по одному ребенку. У части интервьюируемых был ребенок или дети от предыдущего брака с русскими мужчинами, у части — совместные дети с финскими отцами или дети этих отцов от предыдущих браков, и у многих были дети от браков и с русскими, и с финскими супругами. Интервьюируемые на момент проведения интервью жили в Финляндии от 1 года до 14 лет. Бóльшая часть женщин переехала в Финляндию в последующий после распада СССР т.н. период смуты. Интервью брались на финском языке.

[3] В данном случае этнография означает, прежде всего, метод исследования, характеризующий природу знания. Центральным является этнографический подход, используя который я как исследователь, являюсь частью изучаемого проблемного поля, одновременно стремясь к постоянному анализу переживаемого и замеченного мною [5; 41]. Цитируя М.-Л. Хонкасало [5; 40], считаю, что как исследователь я являюсь частью профессионального сообщества, сети культурного значения, создаваемой мною и изучаемыми, вместе с тем я стремлюсь к пониманию и интерпретации увиденного и пережитого. Проблема заключается в способе созерцать и структурировать мир и принимать то, что в производстве этнографического знания всегда присутствует точка зрения исследователя. Жизненный опыт русских женщин-иммигранток интересовал меня в том виде, как он был ими изложен и как я его поняла. Считаю центральным в этнографии понимание того, что, изучая одно и то же явление, исследователь иногда бывает вынужден менять точку зрения, как в процессе сбора материала, так и в его интерпретации. Кроме того, важно осознание того, что результаты моих исследований рождались во взаимодействии между мною и информантами [11].